

Анатолий Сломчинский

ЭССЕ ОСУЖДЕННЫХ – МАТЕРИАЛ ДЛЯ РАБОТЫ С ЛИЧНОСТЬЮ

Сочинения арестан-
тов-рецидивистов,
отбывающих
наказание

Если нельзя изучать людей по книгам, то как же тогда изучать арестантов, заключенных, людей, совершивших преступления и лишенных за это свободы? Как заглянуть им в душу, израненную, исковерканную, агрессивно-недоверчивую, озлобленную, всего и вся пугающуюся, искореженную такими жизненными зигзагами, что специально и не придумаешь? Как реализовать на практике формулу классика педагогики К.Д. Ушинского «Если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна прежде всего узнать его тоже во всех отношениях»?

Чтобы вести разговор о методах изучения личности осужденных и их образовательных потребностей, сначала познакомимся с тем, какие эссе пишут в школе при исправительном учреждении осужденные-рецидивисты. Приведем одно для ознакомления.

Эссе первое

Книга – источник
воображения

Во сне он постоянно летал. Куда, зачем – он не знал точно, да эти вопросы и не интересовали его. Наоборот, – ему нравилась некая абстрактность полетов.

Началось это давно, еще в детстве, которое он помнил довольно смутно – деревянные незатейливые игрушки, сделанные руками отца в моменты просветления между бесконечными запоями, какие-то бессмысленно-беспричинные ссоры с соседской ребятней, вечная ругань отца с мачехой – людей, придавленных беспросветностью бытия и, очевидно, по этой причине мелко-злых. И лишь одно воспоминание выделялось из скучного этого ряда, выделялось своей яркостью и неординарностью – это книга, подаренная кем-то.

Книга, даже названия которой он не помнил, была полна великолепных, насыщенных приключениями, путешествий отважных астронавтов, покорявших невомыслимые человечеству миры, – это так захватывало его, заставляло работать воображение, что оставило след буквально на всю жизнь, сформировало воображение.

Это было, когда ему исполнилось пять лет, – именно с этого возраста он страстно мечтал стать космонавтом.

Мечта о счастье –
тоже счастье

Да, мечта о счастье – тоже счастье. Но жизнь всюду вносит свои коррективы и рано или поздно обуздывает даже самого ретивого романтика, заставляя при строительстве иллюзий обходиться без архитектурных излишеств. Поэтому-то он и не стал космонавтом. И вообще никем не стал.

Детство кончилось,
не оставив и следа

Детство кончилось как-то незаметно, прошло, не оставив и следа. Деревянные игрушки сгорели в печке. И книжка, любимая, истертая едва ли не до дыр от многократного перечитывания, – так уж сложилось, что других читать ему не довелось, – тоже куда-то потерялась... Но она оставила в душе нечто непреходящее, помогающее, подобно спасательному кругу, держаться на плаву вопреки зигзагам житейской пучины – необъяснимо легкое, прекрасное чувство полета. Приходило это чувство лишь во сне.

Каждый день его
жизни был похож
на предыдущие

Конечно, и сама жизнь была очень похожа на сон, но сон этот был каким-то черно-серым, изнуряющим, давящим своей беспросветностью кошмаром.

Тот, кто побывал в бесконечно долгом плавании, взаперти на одном и том же судне, не может не постичь, какое действие оказывает на весь образ мысли монотонная рутина будней. Он же всю свою жизнь прожил в своей деревушке, ни разу не побывав даже в райцентре. Каждый день его жизни – да жизни ли? – был похож на предыдущие: никакой новизны, смены впечатлений. Да и откуда им быть?

Обыкновеннейшая, каких тысячи, российская деревня с ее необозримыми навозными полями, обшарпанными жилищами, вонючими фермами. На недостроенном коровнике приколочена покосившаяся вывеска «Кафе». Рядом – еще одна: «Продукты». Хотя абсолютно очевидно, что нет там продуктов, кроме дешевых рыбных консервов. Напротив магазина – лужа, не просыхающая даже в жару. Гулять по местному «Бродвею» можно только в сапогах.

Изо дня в день – одна и та же убогая улица за окном, одна и та же запись на кассетнике, все тот же разболтанный грузовик развозит людей на работу. Какая-то мощная сила настойчиво вдавликает каждого человека в единую массу, раскачивает ее из стороны в сторону, кидает от левого борта машины к правому. Возникает понимание того, что противоестественное слияние тел и судеб обусловлено объективной, независимой от воли людей необходимостью.

В конце маршрута, где-то на скотном дворе, людей ждут животные, которым нужно задать корм. Поче-

му-то вспоминается мрачная шутка классика американской литературы Бирса: «Съедобное – это годное в пищу, удобоваримое, как-то: червь для жабы, жаба для змеи, змея для свиньи, свинья для человека и человек для червя». Цикл замыкается.

По главной деревенской улице идет траурная процессия. Несут чье-то тело, заключенное в гроб, мимо места, где мужики всем миром, как встарь, строят новый дом. И не очень-то верят строители, что нелепые хоромы простоят сколь-нибудь долго. Цемент плохой, кирпич ворованный...

– Придет милиция и раскулачит, – говорит мужик постарше.

– Не раскулачит. Сейчас другая установка.

– На моем веку установки сто раз менялись. Как руководство в городе решит, так и будем жить – ничего не поделаешь...

Трудно возразить. Столько лет человека заставляли рыть котлован, убеждая, что он строит прекрасное здание. Методика убеждения функционировала исправно, за долгие годы внушили крестьянину житейскую «мудрость»: твое дело телячье – обкакался и стой. Начальник скажет, где искать алмазы. <...>

Люди, как всегда, будут готовить скудный ужин, смотреть телевизор, механически совокупляться, слегка приспустив трусы, ревновать, мучиться, срывать на ближних накопившуюся агрессивность, устраивать невыносимые, изматывающие нервы и опустошающие душу скандалы, затем будут плакать, просить прощенья, в новом припадке ярости говорить невыносимую правду, уходить и искать друг друга, думать о самоубийстве, надеяться на лучшее, но все равно не смогут ничего изменить.

Изо дня в день жизнь лишается смысла, теряет очертания, растекается, подобно медузе, которая выброшена прибоем на горячий песок и теперь медленно-медленно издыхает.

И в этом сне кошмарном ему придется пребывать с утра и до вечера, и нет никакой надежды, что этот бред в будущем иссякнет – у него попросту нет никакого будущего.

Ему остается одно – ждать, когда придет ночь, когда начнется наконец иная, разноцветная, интересная, прекрасная жизнь. Когда он снова сможет стать космонавтом. До следующего утра...

Такое вот сочинение... Одаренность природы тут, несомненно, пробивается. Автор сочинения – вор, рецидивист...

Люди все равно не смогут ничего изменить

Изо дня в день жизнь лишается смысла

Ему остается ждать, когда придет ночь

Необходима
организация
педагогического
процесса

Почему мы обратились к жанру рефлексивных сочинений как к материалу для изучения личности осужденных?

Организация педагогического воздействия на осужденных без изучения их личности немыслима.

Нормативно-правовая документация, регламентирующая процесс организации образования осужденных, предусматривает следующий порядок сбора и использования информации, необходимой для изучения потребностей осужденных: все необходимые сведения собирают, систематизируют, анализируют администрация исправительной колонии, службы исправительной колонии и должностные лица (специальная часть, отдел воспитательной работы, медико-санитарная часть, начальники отрядов) и затем передают их для анализа, прогнозирования педколлективу образовательного учреждения при исправительной колонии.

На практике педагогам перекрыт доступ к любым видам информации, касающейся лиц, отбывающих наказание. Сотрудники исправительной колонии не занимаются сбором сведений об осужденных, имеющих образовательную направленность. Однако необходимо иметь базу данных для организации образовательного процесса.

Эмпирический материал, полученный нами в результате работы с лицами, отбывающими наказание, дает нам основание указать на причины, по которым в специфических условиях мужской колонии затруднительно использовать такие традиционные педагогические методы, как интервьюирование, наблюдение, анализ результатов деятельности осужденных, изучение директивных и плановых документов, научно-методических программ, материалов коллегий министерств и ведомств, протоколов заседаний ученых советов, служебной переписки, дополненные личными контактами, беседами с абонентами, анализом карт обратной связи.

Негативные
факторы,
препятствующие
работе педагога

К числу факторов, препятствующих использованию традиционных педагогических методов для изучения личности осужденных и их образовательных потребностей, можно отнести следующие:

- педагогически неблагоприятная среда преступников;
- наличие асоциальных замкнутых групп;
- наличие вредных традиций и правил в среде исправительного учреждения;
- ограниченные сроком наказания временные границы педагогического воздействия;

Ущербность
условий
пребывания
в заключении

- серьезные трудности в формировании воспитывающего коллектива;
- отрицательная установка к наказанию и субъективная самооценка большинства осужденных;
- принудительно-репрессивный характер организации педагогического процесса; оперативно-режимные ограничения;
- отсутствие у педагогов доступа к необходимой информации об осужденных;
- большая акцентуированность черт личности осужденных, постоянно испытывающих состояние фрустрации.

Не менее специфичны обстоятельства жизни – целенаправленно организованная микросреда, в которой протекают педагогический процесс и изучение личности осужденных. Основными проблемами являются:

- *строгая принудительная изоляция осужденных* от общества и постоянный надзор за ними, направленный на предупреждение нарушений режима отбывания наказания и совершения преступлений в колонии; недовольные связи с лицами, находящимися на свободе;
- *регламентация* нормами уголовно-исполнительного права и подзаконными актами условий жизни, всех видов деятельности и поведения, средств удовлетворения материально-бытовых и духовных потребностей осужденных;
- *разновозрастной состав лиц*, признанных судом социально опасными, включенными в него в принудительном порядке для отбывания уголовного наказания.

В исправительном учреждении жесткая регламентация сферы образования умножается на еще более жесткую заданность параметров уголовно-исполнительной системы.

Объективно существующий в местах лишения свободы карательно-воспитательный характер педагогической деятельности в том виде, как ее понимают сегодня теоретики, порождает своеобразный психологический «климат», в котором она протекает: «Педагогический процесс в исправительных учреждениях специфичен, ибо кара проявляется не только в различных объективных условиях отбывания заключенными наказания, но и оказывает глубокое влияние на психику заключенных. В той или иной мере психологически тяжело переживают кару даже многократно побывавшие в заключении преступники» [1].

Осужденные – сложный контингент в личностном отношении

Обычно отбывающие наказание во взрослой колонии – весьма сложный контингент для педагогов и сотрудников исправительной колонии. Г.Ф. Хохряков, например, отмечал такую особенность: «...среди заключенных по сравнению с гражданами, живущими на свободе, доля тех, кого можно отнести к нормальным, не акцентуированным, в четыре с лишним раза меньше» [2]. Таким образом, 75% осужденных нужно отнести к акцентуированным личностям – обладателям таких типичных сочетаний черт характера, при которых одна или несколько черт получают необычное развитие за счет других и определяют собой поведение человека. Г.Ф. Хохряков также утверждал (и наш опыт побуждает согласиться с ним): «Чем жестче режим содержания заключенных, тем больше среди них так называемых акцентуированных личностей» [3].

Многие осужденные психически ущербны

В исправительных учреждениях весьма часто встречаются осужденные, которые ранее учились во вспомогательных школах. Есть осужденные, страдающие психопатией, – таких лиц примерно одна треть от общего числа содержащихся в пенитенциарных учреждениях. Личное общение педагогов с такими осужденными затруднено: мы говорим о невозможности установления контакта с некоторыми из них.

Проблемы опроса и наблюдения в условиях изоляции

Организация и проведение сбора информации о личности осужденных и об их образовательных потребностях представляет собой ответственную и трудоемкую процедуру, особенно если в качестве метода исследования будет выбран опрос.

В исправительной колонии всегда существует опасность получения в результате личного опроса недостоверной информации. Причинами недостоверной информации являются:

- труднодоступность некоторых категорий опрашиваемых;
- относительно высокая вероятность отказа от ответов, особенно на вопросы личного характера;
- неискренность или пристрастность опрашиваемых.

В условиях жестких режимно-оперативных ограничений, в условиях несвободы, в которых находятся субъекты образовательного процесса в пенитенциарном учреждении, наблюдение также затруднительно.

Противоположные тенденции в условиях заключения

Препятствием к изучению педагогами личности осужденных и их образовательных потребностей традиционными педагогическими методами является и столкновение двух тенденций учреждения: 1 – сотруд-

ники воспитательного отдела исправительной колонии стремятся увеличить охват осужденных общеобразовательным и профессиональным обучением; 2 – работники оперативно-режимных служб, избегая «излишних» массовых передвижений осужденных по территории колонии, стремясь ограничить любые, с их точки зрения, нежелательные, плохо контролируемые контакты осужденных с вольнонаемным составом (учителями, мастерами производственного обучения), проводят мероприятия по резкому ограничению посещения осужденными образовательных учреждений. В такой ситуации, например, школа воспринимается как филиал штрафного изолятора, поэтому говорить о применении традиционных педагогических методов, когда этому применению противостоят еще и мощные субъективные факторы, весьма затруднительно.

Это обстоятельство связано с закрытостью исправительных учреждений, длительным временем приоритета карательной политики государства, общим ухудшением условий отбывания наказаний в местах лишения свободы из-за хронического недофинансирования пенитенциарной системы.

Американские исследователи Н. Тичи и М.А. Девана справедливо писали: «Если перед организацией встают разнообразнейшие проблемы, ей необходимы разнообразные решения» [4].

Эссе и сочинения дают возможность увидеть внутренний мир осужденного

Одно из таких решений – традиционные школьные сочинения и эссе. Мы предложили осужденным учащимся тему «Жизнь моя... Иль ты приснилась мне?».

По глубине выраженных чувств, по накалу страстей многие работы оказались *близки к исповеди*. Более того, появился материал для психолого-педагогического анализа мироощущения, мировоззренческих позиций, отношения к себе и к людям осужденных.

Приведем некоторые из сочинений осужденных. В условиях пенитенциарного учреждения можно многое увидеть и понять, читая эти документы рефлексии человека на себя и на свою жизнь.

В этих сочинениях мы увидели влияние на человека и социальных условий, и внутренней позиции [5].

Эссе второе

Детство мое не назовешь радостным

Родился я в городе Свердловске. Детство мое не назовешь радостным, но и по сравнению со многими нельзя назвать его уж таким пропавшим. Отец от нас ушел, когда мне было шесть лет. Вернее, мама нашла себе другого спутника жизни, лучшего, чем мой отец.

Отец мой находился в местах не столь отдаленных, когда мама познакомилась с отчимом. Отчим, по сравнению с отцом, не пил и не курил, ко мне относился неплохо, усыновил меня, переписал на свою фамилию. Но со временем, когда у меня появился младший брат, а через несколько лет и младшая сестра, обо мне как бы забыли.

«Я ушел
на задний план»

Я ушел на задний план. Вот с этого все и началось...

У меня появились друзья, которые ничего и никого не боялись. И в трудные для меня минуты я всегда находил среди них моральную и физическую поддержку. Среди них я научился курить, воровать, попробовал спиртное, стал убегать из дома. В конечном результате я оказался в спецшколе как трудновоспитуемый подросток.

В спецшколе я проучился два года, окончил пятый и шестой классы. После этого был выпущен как вставший на путь исправления и продолжил обучение в нормальной школе. Отправляя меня в спецшколу, родители и учителя думали, что так будет лучше – я исправлюсь. Но, увы, и те, и другие ошиблись, с годами они сами признались мне в этом. И признались с чувством глубокого сожаления, сожалея об упущенном, о том, чего уже никогда не вернуть и не поправить. «Надо, говорят, было бороться за тебя в то время, не слушать детского инспектора, не верить, что там тебя исправят, научат чему-то хорошему, заложат в тебя хорошее семя». Мама призналась, что совершила ошибку по своей молодости, по своей доверчивости.

Мы много раз рассуждали с мамой на эту тему, и сколько бы ни рассуждали мы с ней, в конечном итоге всегда приходили к одному и тому же выводу: не попади я в то время в спецшколу, не пойдя моя мама в то время на поводу у детского инспектора, не послушай ее, борись за меня, отстаивай, не отдавай меня в спецшколу, возможно, я никогда бы в дальнейшей своей жизни и не попал бы в места лишения свободы.

С годами
приходит злость

Учился я в то время хорошо, по своему характеру был добрый, ласковый. Но, к сожалению, с годами это все уходит... Ум человеческий притупляется, вместо доброты и ласки приходят такие чувства, как злость и ненависть.

Злые чувства в этой системе, по-моему, свойственны всем людям, познавшим, что такое неволя, что такое угнетение, унижение. Так как любое зло не может породить добра, зло и порождает зло.

Однако не все люди звереют в этой системе. Есть такие, кто, несмотря на все, на всю несправедливость, на весь хаос, который творится вокруг нас, все-таки умудряются оставаться людьми, умудряются не растерять человеческих достоинств.

Страшно становится – не станешь ли ты сам подобен зверю

Глядя на других и прикидывая в уме, сколько еще впереди неотсиженного, задумываешься... А не станешь ли ты сам к концу своего срока подобным зверем, не растеряешь ли сам, глядя на других, все человеческое? И порой аж страшно становится при таких мыслях! Страшно становится за то, что способен совершить в минуту такого наплыва мыслей!

«Я не раз встречал случаи, когда люди сидят ни за что...»

Предыдущие мои преступления были совершены по молодости, по глупости. И за них я сполна получил – сполна годиков выкинул из своей жизни. Думал, что больше никогда уже и не сяду. Обзавелся семьей, детьми, своим хозяйством. Казалось бы, живи да радуйся! И жил, и радовался. В общем-то, радовался жизни, радовался тому, как растут дети. И не думал, не гадал, что в один прекрасный день потеряю разом все. Все то, что было так дорого для меня, – это свободу и детей.

Никогда не думал, что со мной такое случится, что случается со многими. Не думал, что меня могут ни за что, ни про что взять, посадить и осудить, и осудить-то довольно-таки на приличный срок. Я не раз встречал случаи, когда люди сидят ни за что. Сидят только потому, что кому-то нужно спихнуть преступление, закрыть дело...

И судят основную массу не только за преступление, которое они совершили когда-то, а судят за то, что они когда-то ранее были судимы. Исходя из этих соображений, что человек ранее неоднократно судим, наш гуманный суд направо и налево щедро раздает сроки.

Что же будет с моими детьми?

Судят, даже не задумываясь о том, что лишают многих людей самого дорогого – свободы, разрушают семьи, оставляют детей без родителей. Хоть один гуманный судья задумался ли над тем, кого он в первую очередь наказывает: подсудимых или их семьи, их детей? В первую очередь и, по-моему, больше всех страдают дети... Они, получается, как бы без вины во всем виноватые...

И хотелось бы мне этого или не хотелось, а все чаще и чаще я задумываюсь над тем, что же будет с моими детьми, какая их ждет судьба? И не моя ли это жизнь повторится с ними?..

Эссе третье

Считайте меня
плохим

О своей прожитой жизни особого писать нечего, все, как у обычных людей, только за исключением небольших, глупых по молодости, ошибок. О плохом писать не стану, так как нас и так окружает одно зло, напишу о своих самых лучших годах, проведенных в школе-интернате.

В школе-интернате я проучился с первого по седьмой класс. Там было весело, все жили дружно, хотя порой и «дрались», но когда с кем-то расставались, порой даже плакали.

В те годы я не понимал многого, только сейчас я отдаю себе отчет за все непутевые проделки.

Воспитатели относились к нам, как к родным, возили на экскурсии, на соревнования, в разные города. Это было по-настоящему лучшее время в моей прожитой жизни.

В седьмом классе из-за плохого поведения меня отправили из школы-интерната в ГПТУ. С того времени и пошло невезение. Об особых случаях из школьной жизни писать нечего, вот и остается сейчас только думать: «Жизнь ли это моя была... или все приснилось?»

Больше писать не знаю о чем, вспоминать что-то лучшее не хочу, а о плохом не пишут. В общем, во мне одна грязь. Мы здесь делим себя на две категории: хороших и плохих, считайте меня плохим.

Эссе четвертое

О случае, который
произошел
со мной в детстве

Я хочу рассказать в своем сочинении о случае, который произошел со мной в детстве. Возможно, он и повлиял на мою дальнейшую жизнь.

В конце учебного года мы с одноклассниками решили идти в лес за березовым соком. Взяли с собой перочинные ножи для подрезки коры, посуду для сока.

Настроение было отличное. Весеннее солнышко припекало изрядно. День был знойный. По дороге к лесу мы шутили, рассказывали всяческие небылицы. Вот речка Ольховка, от нее до леса рукой подать. Перейдя через мостик, мы пустились наперегонки до первой березы. Лес встречал нас шурианием листьев, раздавалось пение птиц. Углубясь в лес, сделали нарезки на березах, расставили всю посуду, какая была с собой. Деревья стали отдавать нам свой сок, каплю за каплей, очень медленно, что позволяло нам играть в свои детские игры. Взрослых рядом не было, и это было самым главным. Никто нам не мешал, никто нас не поучал и

Вдруг запахло
паленым

не следил за нашими действиями, мы были счастливы и ничего другого не желали в эти минуты.

Вдруг запахло паленым, мы собрались все вместе и пошли на запах. Горел чей-то покос. Пожар был не такой уж большой, но горело на большой территории, и огонь все ближе подбирался к кустам, все ближе и ближе...

Общими усилиями мы сбили пламя. Но прошлогодняя трава ни в какую не сдавалась, она еще дымилась и ждала, чтобы с новой силой вспыхнуть. Пришлось до самого вечера ходить и дотаптывать эти дымящиеся островки, угрожающие нашему лесу. К концу борьбы с пожаром мы были похожи на шахтеров, которые только что вышли из забоя, у нас светились только глаза, все остальное было черным. Мы падали от усталости. Нас разрывало чувство собственного достоинства, ведь мы победили стихию и спасли лес от пожара. Куртки и пиджаки были измазаны в саже от горелой травы. Нас не страшило, что по приходу домой мы все наверняка схлопочем взбучки от родителей. Мы шли домой. Все радовались своей победе, но языки заплетались, было не до разговоров, только перебрасывались отдельными фразами.

Когда мы подходили к деревне, нас догнал мотоциклист. Обогнав, он остановился, снял шлем, позвал нас подойти поближе. У него был довольный вид, он располагал к себе. Мотоциклист сделал довольную гримасу и спросил: «Ребята, это вы потушили мой покос?» Мы с радостью начали рассказывать, как это происходило, ожидая одобрения от человека, которому, по нашему мнению, мы помогли спасти покос от полного истребления.

Но каково было наше изумление, когда мужик слез с мотоцикла, подошел к первому из нас, взял за уши и начал трепать. Понеслась брань. Мы бросились наутек. Он посадил в мотоцикл нашего товарища Василия и повез его к родителям. Мы были в недоумении. Что произошло? Собрались на лавочке возле василькиного дома и ждали результата от нашего приключения.

Через некоторое время мотоциклист вышел из дома, погрозил в наш адрес кулаком и укатил в свой колхоз, мы ждали, когда выйдет наш друг и расскажет, что произошло.

Вскоре наше любопытство было удовлетворено. Выйдя из дома, Василий поведал нам следующее. Оказывается, этот хозяин покоса сжигал прошлогоднюю траву, так как в прошлый год не косил, а теперь ему

придется еще один день потерять, чтобы снова приехать и дожечь траву.

На следующий день трава и кустарник сгорели. Усилиями пожарников у огня удалось отвоевать лес. Вот так и кончилась эта история, которая оставила в моей душе тяжелый осадок.

Эссе пятое

Есть о чем
вспомнить

Много было хороших радостных дней в моей жизни. И, конечно, есть о чем вспомнить...

Однажды мы с друзьями собрались в лес за грибами. Стояло хорошее солнечное августовское утро. Солнце едва начало подниматься вверх. Дул слабенький ветерок, которого, можно сказать, и не чувствовалось. Но все же я ощутил его. Мои друзья, Андрей и Николай, взяли по корзине. А я больше хотел побродить по утреннему лесу. В лесу так хорошо!

Возле поселка стоит гора под названием Луковая. Сама по себе гора невысокая, с одной стороны она пологая, а если смотреть со стороны поселка, у нее крутая скала. Мне мама говорила, что на этой горе много грибов всяких. Мне захотелось все увидеть собственными глазами.

У подножья горы протекает речка, а через речку проложен небольшой деревянный мостик. Мы с друзьями перешли через мостик и поднялись до половины горы.

Честно говоря, мне было интереснее обойти всю гору: интересней, чем собирать грибы. Но мои приятели уже набрали по половине своих корзин. В корзинах грибы были всякие: красноголовики, грузди, подосиновики, волнушки. Чем больше мы подымались в гору, тем у моих спутников все больше и больше подымалось настроение, тем больше и больше грибов.

И вот мы наконец-то добрались до самой вершины. На самой вершине стоял какой-то непонятный треугольник, большой, сваренный из железа. Как мне сказали потом дома, это знак для вертолетов, для их ориентировки на местности.

Вернуть бы
обратно то время...

Мы все сели поудобнее и стали любоваться нашим родным поселком. Я ни разу не видел его с такой высоты. Поселок был, как на ладони. Был виден мой дом и моя мама в огороде.

На небе не было ни облачка. Небо было голубое-голубое, так что даже слепило глаза. Мы долго любовались этой красотой, почти до самого вечера.

Этот день запомнился мне на всю жизнь. А домой я пришел без грибов и весь мокрый: нас на обратном пу-

ти накрыл дождь, да такой сильный, что я до нитки промок. У меня осталось много хороших впечатлений о нашей прогулке. Все-таки есть что вспомнить из детства.

Вернуть бы обратно то время, я бы нисколько не пожалел.

Сочинения взрослых людей, рецидивистов. Разные судьбы... Разные рефлексии на себя и на жизнь. Однако все они держат в памяти добрые чувства, рожденные в детстве. Педагог может уповать на светлые воспоминания каждого осужденного как на опору для установления позитивного общения и размышления о достойном будущем.

1. *Высотина Л.А.* Педагогические основы процесса исправления и перевоспитания осужденных в ИК. М., 1977. С. 115.

2. *Хохряков Г.Ф.* Парадоксы тюрьмы. М., 1991. С. 28.

3. Там же. С. 29.

4. *Тичи Н., Деванна М.А.* Лидеры реорганизации: Из опыта американских корпораций. Сокр. пер. с англ. / Науч. ред. и авт. предисл. Н.А. Климов. М., 1990. С. 196.

5. *Мухина В.С.* Феноменология развития и бытия личности. М.; Воронеж, 1999.

